№ 4 (33) 2005

Церковь и время

научно-богословский и церковно-общественный журнал

· *Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ*
ЗАМЫСЕЛ БОЖИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ И СВОБОДА ВОЛИ

· *Епископ Диоклийский КАЛЛИСТ*
МОЯ ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В СССР

· *Епископ Венский и Австрийский ИЛАРИОН*
"ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ"

· *Священник МИХАИЛ ВАН ПАРЭЙС*
БОГОСЛОВИЕ МИРА

· *Л. В. НЕРСЕСЯН*
ДУХОВНЫЙ МИР ДИОНИСИЯ

Вникай в обстоятельства времени.
Ожидай Того, Кто выше времени.

Священномученик ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Научно-богословский и церковно-общественный журнал

№ 4 (33) 2005

Журнал издается Отделом внешних церковных связей
Московского Патриархата

А. С. МЕЛЬКОВ

«ДЕЛА ИХ ХОДЯТ ВСЛЕД ИХ»

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ И ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР ГОРСКИЙ

Подвигом добрым подвизахся,
течение скончах, веру соблюдох
2 Тим. 4–7

В истории русской духовной мысли, да и всего русского богословия одним из самых сильных примеров нравственных и поучительных предстают перед нами взаимоотношения двух выдающихся личностей — святителя Филарета Московского и протоиерея Александра Васильевича Горского.

Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), без сомнения, является крупнейшим деятелем в истории Русской Церкви XIX столетия. Соединив в себе черты церковного иерарха и ученого богослова, государственного мужа и подвижника благочестия, проповедника и поэта, он был одним из тех людей, которые избраны Самим Богом к миссии высшего духовного водительства. Святитель Филарет Московский (1782–1867) прожил долгую жизнь: «Буквально от покоренья Крыма и до великих реформ»[1]. Только на Московской кафедре его служение протекало почти полвека (с 1821 по 1867 г.), а авторитет его к концу жизни был таков, что со-

временники именовали его Митрополитом Всероссийским, природным Патриархом Русской Церкви. Среди всех великих дел, положенных святителем Филаретом на благо Церкви и Отечества, особо выделяется его роль в деле становления русской духовной школы и народного образования.

Имя протоиерея Александра Васильевича Горского (1812–1875), ректора Московской духовной академии, талантливого ученого, историка Церкви, пастыря, педагога и богослова, является одним из самых светлых в истории отечественной духовной школы. Личность протоиерея Горского многогранна. Много удивительных явлений связано с этой личностью.

Промыслительным образом Господь благословил этим двум великим людям жить в одно время, вместе созидать и утверждать русскую богословскую науку и отечественную духовую школу. Но не только официальные, деловые отношения связывали великого иерарха с великим тружеником науки, сближение оказалось глубже и носило характер искренних и трогательных отношений отца и сына. Это, конечно, случилось не сразу — пока юный Горский набирался опыта, он находился в тени уже известного на всю Россию Московского архипастыря, но уже в то время митрополит Филарет, несомненно, оказывал колоссальное влияние на будущего протоиерея.

Личность святителя Филарета стала для Горского путеводной звездой с того самого дня, как последний переступил порог Московской духовной академии. От юности имея исключительные дарования, в Академию Горский поступил почти мальчиком, в 16 лет, из философского класса Костромской семинарии, на два года раньше обычного срока. Поступив в академию, Горский сразу подвергся незримому действию той духовной атмосферы, какую создал в ней строгий и требовательный во всем к себе и другим митрополит Филарет.

Святитель Филарет на протяжении большей части своей подвижнической жизни был связан с

Московскими духовными школами — как студент, как наставник, как архипастырь. После вступления на Московскую кафедру святитель Филарет вступил с академией в еще более тесные отношения как ее непосредственный глава. Эта связь, продолжавшаяся в течение 46 лет, обусловила поразительное явление в истории этого учебного заведения: состоя в продолжение почти полувека под водительством одного вождя, она в течение всего этого периода сохраняла удивительное единство духа и направления образования. «Школа, которую проходила Академия в филаретовскую эпоху, была сурова; больше прещений, чем одобрений и похвал получали от своего строгого начальника даже ее наилучшие работники, но основанная на указанных нравственных началах, эта школа и создала из академической корпорации совершенно особенный тип ученого монастыря. В понятии "монастыря" заключается идея послушания: Академия воспитывала людей, послушных долгу; в понятии "ученый" заключается идея свободы — Академия воспитывала людей, признающих за собой право собственных убеждений и уважающих чужую свободу»[2].

В такой атмосфере и учился будущий ученый, в той же атмосфере он пребывал и после того, как стал молодым преподавателем в ставшей ему родной Академии. Как наставник Горский был подчинен ректору, конференции Академии и власти правящего архиерея. Этот контроль не был формальностью. И самыми ответственными были проверки святителя Филарета, которому преподаватели Академии каждый год через конференцию предоставляли краткие записки о том, что ими было прочитано студентам. Кроме того, святитель Филарет нередко требовал для просмотра и сами тетрадки с лекциями. Из писем друга А. В. Горского архимандрита (впоследствии архиепископа) Филарета Гумилевского видно, что святитель давал ему советы, как правильно излагать свои мысли в подаваемых на проверку записках, как вести беседу с митрополитом на экзаменах, которые

тогда были экзаменами не только для студентов, но и для самих профессоров. Ректор архимандрит Филарет писал Александру Васильевичу:

> Мне кажется, что если ваш опыт на беду составлен будет не вовсе по его мыслям, то вы тем вызовете его на бой открытый и без нужды растрогаете его вспыльчивый характер. Надобно наперед узнать его мысли... Не надобно силой настаивать. Это сочтут за упорство, за действие своеволия — и сочтут, может быть, справедливо. Тогда (чего сохрани Бог) и хорошее назовут нехорошим. Зачем же перед ним и настаивать на своем? Я и после могу сделать то же, что теперь защищаю слегка, т.е. когда мысль моя свята. И меня никто не укорит за это. Я поступаю по убеждениям совести[3].

Однако советы и указания друга не предотвратили «открытого боя» между Горским и митрополитом Филаретом на публичном экзамене 2 июля 1837 года, когда у них зашел оживленный спор о правильности некоторых положений лекций, которые предоставил Александр Васильевич на суд Владыке. Подробное описание этого случая записано в дневнике Горского:

> Нынешний день, на испытании, мне привелось держать довольно длинный диспут с Владыкою по предмету лекции... он стал слушать представленное для испытания из новозаветной истории: о распространении и угнетении христианства после Апостолов до Константина... Прослушав краткие замечания о странах, в которых вновь христианство распространилось, начал делать снова замечания на статью о препятствиях к распространению христианства, и с самого начала на разнообразное направление духа империи и духа христианского общества. «Что такое дух? Могли ли Вы сами обнять и исследовать дух христианства? Могли ли вместить в головы Ваших студентов? Ныне странное направление в истории. Смотрят на человечество, как на одного человека, и усвояют ему то то, то другое общее направление. Прекрасный взгляд на историю»... При дальнейшем чтении этой статьи он начал нападать с другой сто

роны: «К чему эти теории? Надобно излагать исторические факты». Послушав еще немного, заметил: «после этого будут оправдывать всех гонителей христианства. Они действовали по законам: как недавно один жид доказывал, что смерть Иисуса Христа произнесена по справедливости законов»... Когда начали читать о влиянии философии на образ мыслей о христианах, преосвященный опять сделал замечание: «Всё теории. Вы говорите о сектах, а о св. мучениках говорить не будете?»... При окончании рассмотрения нравственных причин, Владыка заметил: «Вот Вы, кажется, главное то и упустили. Слона то и не приметили. Главною причиною гонений против христианства было языческое суеверие. А вы об нем ни слова». Я отвечал на это, что об этом сейчас будет сказано. Причины религиозные поставлены в третьем разряде препятствий к распространению христианства. «Вашим разрядам, – сказал Владыка, – конца не будет»[4].

Это столкновение подтверждает ту мысль, что контроль митрополита Филарета за профессорами и их деятельностью был очень строгим[5].

Но требовательный и строгий святитель Филарет уже тогда уважал Горского, доверял ему, ценил его труды и знания, выделяя его среди других педагогов. 19 января 1837 года Горский был возведен в экстраординарного профессора, а 9 сентября 1839 года стал ординарным профессором Московской духовной академии.

Шли годы, А. В. Горский превратился в известного ученого, знания и опыт которого высоко ценили люди науки по всей стране. Но не только светские ученые и богословы дорожили научными познаниями Горского, сам митрополит Московский Филарет пользовался его указаниями и советами. Митрополит посылал на просмотр Горскому свои проповеди исторического характера, беседовал с ним по вопросам церковной жизни, спрашивал его мнения по различным возникавшим в обществе вопросам, например, относительно исправления Устава духовных академий, о гражданском браке, о преподава-

нии богословия в университетах, о Земских соборах и т.д.

Митрополит просил Горского написать Устав Общества любителей духовного просвещения, сделать отзывы на некоторые книги. По желанию святителя Филарета Горский разъяснил «Свидетельство о Литургии преждеосвященных Даров», приписываемое Никите Стифату, или Пекторату, в книге против латинян «Об орошении Тела Христова Кровию». Горский дал комментарии и на письмо Феодора Студита к Папе Льву III. Именно на это письмо ссылались католики в доказательство главенства Римского епископа[6]. Горским также по предложению митрополита Филарета были изданы поучения и составлены жизнеописания Кирилла II, митрополита Киевского[7], митрополитов Московских Петра[8] и Алексея[9]. Эти биографии древних святителей Московских можно считать образцовыми произведениями.

Митрополит Филарет по многим важнейшим вопросам церковного управления, в которых Синод просил у него совета, сам искал совета и ученых указаний Александра Васильевича и находил в них твердую научную опору для своих правительственных резолюций[10]. Так по благословению святителя Филарета в 1860 году А. В. Горский, принявший к тому времени священный сан, был отправлен в Петербург, где участвовал в работе Комитета по преобразованию духовных училищ[11]. Поэтому не случайно «в Московской духовной академии ходит предание, что поразительный блеск канонических и исторических обоснований в знаменитых резолюциях Филарета во многом обязан Горскому. Такого же происхождения и обстоятельные реляции Филарета в Св. Синод»[12].

Требовательный к подчиненным, митрополит Филарет благоволил к Горскому, отличал и награждал его. Со своей стороны Александр Васильевич уважал Владыку, благоговел перед его умом. Горский знал пылкий характер святителя, его подходы, взгляды и умел вести дело так, чтобы не навлекать

на себя напрасный гнев. Ни одни из представленных на суд митрополиту сочинений, не проходили так благополучно, как предварительно побывавшие перед этим у Горского.

Но в этих близких отношениях святителя с Горским заключалась и определенная сложность для Александра Васильевича, который хорошо знал сам и не скрывал от других, что не все его исследования можно сделать известными для читающей публики.

> Для себя я занимаюсь, — писал он известному ученому историку и филологу Михаилу Петровичу Погодину, — как могу и сколько могу, готов сообщить вам свои замечания. Но положение дел наших церковных и мое личное положение не позволяет говорить печатно, что по совести ученый может и должен сказать в своем кабинете[13].

В другой раз в дневнике 19 июня 1836 года Горский записал:

> Вчера рассказывал ректор (архимандрит Филарет Гумилевский. — *А. М.*), что владыка в беседе о рассуждениях, между прочим, выразил свою мысль о недостатке у нас сочинений духовных. Ученые духовные наши, говорил он, ничего не пишут. Да и как писать? Что ни будет написано со старанием раскрыть новую сторону в предмете — все это покажется ересью[14].

Конечно, строгий митрополит не мог заставить Горского в тиши кабинета мыслить так, как хотелось начальству, но он имел власть и силу влиять на внешнее выражение мыслей Горского. Поэтому Александр Васильевич никогда не забывал быть осторожным в словах и на бумаге, поэтому мало печатал своих работ, часто не раскрывая в них даже своего имени. В этом, однако, нет особой вины святителя Филарета, не его «личный деспотизм» душил богословскую мысль, сама атмосфера недоверия и подозрений, царившая в обществе в то время, накладывала соответствующий отпечаток на духовную школу и политику государства по отношению к Церкви. К тому же и сам митрополит Филарет неоднократно

подвергался цензуре и даже преследованиям со стороны гражданской власти и Святейшего Синода[15].

Не все современники Горского понимали это. Особенно горячо возмущался М. П. Погодин: «Зачем вы отдаете их на просмотр Владыке? Это ведь долгий ящик. Я не понимаю вашего страха иудейского. Раб вы, что ли? Кто имеет право на вашу мысль и дело? Во всяком случае, статья без имени автора никакого вреда причинить вам не может. Такого деспотизма вообразить трудно, или лучше такого восточного подданства. Вы, вы сами виноваты», — писал ученый Горскому 22 ноября 1842 года[16]. В другой раз, 20 октября 1847 года, Погодин внушал Александру Васильевичу: «Вот клеймо... аго...аго семинарского воспитания, рубцы деспотизма, которые самые лучшие и высокие души сгладить в себе никак не могут. Простите моей откровенности! Если бы я не любил вас искренно, то никак не смел говорить подобным образом. Пособил здесь и NN тяжестью своего ума и характера! Все московское духовенство как бы заколдовано и дохнуть свободно не может»[17].

А известный историк Сергей Михайлович Соловьев прямо обвинял святителя Филарета в том, что он своим деспотизмом заглушил огромное дарование Горского. «В ужасном состоянии находились духовная академия и семинария... Мумию сделал он из Горского, одного из самых даровитых и ученейших между профессорами духовной академии»[18]. Верен ли подобный отзыв? Конечно, нет, и святитель Филарет здесь совсем не причем. Справедливо об этом говорит А. П. Лебедев: «Нимало не подходит к отзывчивой и гуманной личности А. В. Горского наименование "мумия". Не говоря о том, что наименование это оскорбительно для такого ученого человека (да и бывают ли мумии с колоссальным умом и человеколюбивым сердцем?), А. В. Горский не был рабом традиции, каким его выставляют»[19].

Но все же этот отзыв С. М. Соловьева часто принято повторять без проверки, несмотря на то, что

такое обвинение ложно. Верно другое: для Горского всегда была характерна некая внутренняя связанность и нерешительность. «Но это был не страх перед чьим-нибудь осуждением или мнением, пусть даже и мнением епископа, это была некая духовная мнительность. И "засушил" Горского вовсе не святитель Филарет. Он сам себя останавливает на каждом шагу из какой-то внутренней боязливости... У него был и какой-то глубокий духовный надлом, надлом умственного характера»[20]. Справедливо современники писали о Горском, что «чем обширнее становятся его познания, тем, по-видимому, увеличивается и его недоверие к себе»[21]. Непонятый, он продолжал любить людей, проявляя свою любовь во всегдашней готовности помочь каждому.

Интересным эпизодом во взаимоотношениях святителя Филарета с протоиереем А. В. Горским предстает история описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Это обширное книгохранилище, составленное на основе древнерусских собраний, было создано в 1721 году. К середине XIX столетия фонд библиотеки весьма возрос. Исключительную ценность здесь представляло и представляет до наших дней собрание славянских рукописей XI–XVIII веков, общее число которых более тысячи и среди которых немало уникальных. Между тем этот весьма ценный материал оставался научно невостребованным: за неимением настоящего указателя или каталога к нему им почти невозможно было пользоваться, хотя нужда в этом у ученых историков появилась уже давно. Светские исследователи, занимавшиеся исторической наукой, не раз упрекали, и вполне справедливо, духовные власти в нежелании исправить положение.

Наконец, инициативу разрешить возникшую проблему взял на себя митрополит Московский Филарет. В мае 1849 года он писал ректору Московской духовной академии архимандриту Алексию (Ржаницыну), впоследствии архиепископу Тверскому:

> Говорят, — чужие люди предпринимают без нас для Синодальной библиотеки то, о чем я давно думаю, не достигая дела, — именно составление отчетливого каталога, и даже помышляют о напечатании. Посему скажите цензорам, чтобы, если что в сем роде явится в цензуру, удержать от пропущения, без представления Св. Синоду. И я желаю знать, если что такое встретится. Но как желательно нам самим, так и нужно сделать дело, за неделание которого могут укорить: то поговорите с г. Горским, не возьмется ли он за сие дело с несколькими сотрудниками, которых можно было бы взять в Москве и которых дело он направлял бы и поверял, посещая Москву по временам. Займитесь сею мыслию и дайте мне ответ[22].

Очевидно, что замысел митрополита Филарета относительно Синодального книгохранилища был в том, чтобы ввести весь этот новый рукописный материал в научный оборот сразу же с надлежащим толкованием в русле церковной традиции. Поэтому и хотел он это поручить «своему» человеку, каким был А. В. Горский, не желая допустить вмешательства «чужих», светских исследователей. Письмо иерарха Московского решило дело. После разговора ректора с Горским Александр Васильевич взялся за дело[23].

Описание рукописей при непосредственном участии Горского тянулось 14 лет. Результатом такой долгой работы было появление в печати с именем Горского и его активного помощника К. И. Невоструева шести довольно объемистых томов, в которых было подробно описано более 340 книг и рукописей. Первый том «Описания» вышел в 1855 году. В этом томе рассмотрены все славяно русские рукописи Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и прежде всего Библия архиепископа Новгородского Геннадия по спискам XV—XVII веков, а также отдельные списки XII—XVII веков Евангелия, Апостола, Псалтири, Пророчеств и т.д. Рассмотрены они в сравнении с печатными Библиями, начиная с Острожской 1581 года, и параллельно с библейскими греческими, латинскими и еврейскими текстами[24].

Но именно этой первой книге, а следовательно, и всей обширной серии «Описания», грозила печальная участь остаться в безвестности. Широта и многосторонность подхода, критическое направление, научная новизна и смелые решения, к которым они пришли, едва не послужили главным препятствием к появлению их труда в печати. Дело обстояло так. Когда первый том «Описания» был подготовлен, то его окончательный вариант был представлен Горским святителю Филарету в сентябре 1852 года. Митрополит отправил рукопись для рассмотрения в Синод, снабдив исследование своей рецензией. Труд Горского и Невоструева был представлен ординарному профессору Санкт-Петербургской духовной академии архимандриту Иоанну (Соколову), члену Комитета духовной цензуры[25]. Этот цензор отличался двумя чертами: придирчивостью и полным неуважением к чужим мыслям, чем сумел вооружить против себя даже самых безобидных людей[26]. И к порученной ему на рассмотрение первой части «Описания» он отнесся со свойственным ему подходом. Архимандрит Иоанн дал отрицательный отзыв на «Описание» и высказался против его публикации.

Отзыв архимандрита Иоанна поставил вопрос о напечатании «Описания» довольно серьезно. При той недоверчивости, с какой в те времена относились к опубликованию древнерусских церковных памятников, его оценка могла вызвать серьезное сомнение в том, нужно ли вообще и полезно ли такое описание. К счастью для нашей Церкви и науки, дело описания рукописей было близко и дорого святителю Филарету, а у цензора не было сил бороться с авторитетом святителя. Отзыв не решил исход дела. А святитель решил проучить заносчивого цензора. По благословению митрополита Филарета Горский должен был составить подробное объяснение на возражения и требования цензорской рецензии. Горский взялся за дело, и уже летом 1853 года после тщательной, кропотливой работы и постоянных консультаций с митрополитом Филаретом ответ был готов.

Документ был озаглавлен так: «Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской духовной академии ректора)»[27].

В итоге из-под пера Горского вышло то, что с полным правом можно назвать шедевром полемического искусства. В серьезном, научнодоказательном стиле на рецензию архимандрита Иоанна был дан компетентный и исчерпывающий ответ, но не как отпор, а как дискуссия с критиком. Здесь видно, как Горский буквально преследует цензора, изобличая необъективность его выводов и коварность замыслов. Этот ответ действительно является не только апологией «Описания», но и своеобразным обличительным словом в адрес цензора. Отстаивая все выводы «Описания» относительно истории Священного текста, Горский с особенной энергией защищает научную постановку труда, убедительными доводами доказывая, что неблаговидным и неполезным рассматриваемый труд может признать только придирчивый взгляд, отягощенный ложными суждениями. Иногда автор «Апологии» оставляет официальный тон и возвышается до лирического воодушевления. На требование цензора устранить научно критическую составляющую часть Горский отвечает энергично, с чувством исполненного долга перед Церковью и наукой[28].

Тем же летом 1853 года «Апология» была отправлена в Синод, а в первых числах ноября митрополит Филарет сообщил Горскому, что «представленное в Синод описание разрешено к напечатанию, так как оно есть и защищено вами, без исключения исследования»[29].

Так благополучно закончилась история с первой книгой «Описания». Своим благоприятным исходом она обязана блестящему ответу А. В. Горского на отзыв цензора, но и в не меньшей степени — святителю Филарету. Не будь его во главе всего предприятия, отзыв архимандрита Иоанна мог погубить дело. Поручая своему соработнику К. И. Невоструеву

преподнести митрополиту первую часть «Описания», Горский писал:

> Прошу покорнейше представить ее от нас Святителю, который указал нам этот труд и постоянно руководил нас своими советами и ободрял милостивым вниманием. Мы помним и будем помнить, что без его сильного слова не видать бы нашей книге света. Представляя книгу, прошу все изъяснить нашему Покровителю смелым голосом чистой, искренней благодарности, чтобы он видел в этом не один формальный обряд, но чтобы в душе его ясно сказались наши чувства[30].

Это искреннее чувство благодарности святителю Филарету за защиту «Описания», выраженное А. В. Горским, должно быть близко всякому, кто дорожит успехами русской науки.

Когда тома «Описания» уже выходили из печати, в жизни Александра Васильевича случилось знаменательное событие. В октябре 1859 года митрополит Филарет поручил ему составить краткую записку о том, «необходимо ли требуют канонические постановления, чтобы приходские священники были женаты, и на каком основании, и с какого времени утвердился у нас обычай рукополагать не иначе, как когда предназначаемый к рукоположению вступит в брак»[31]. Горский принялся за работу, и вскоре оказалось, что составленная им справка имеет крайне важное значение для его собственной судьбы.

Горский давно желал принять сан священства, но обязательное церковное требование предварительно вступить в брак не позволяло Александру Васильевичу сделать этого. Как видно из прошлой жизни Горского, родительский запрет не позволял ему принять монашество[32]. О желании Горского знал митрополит Филарет. Он решил посвятить Горского в иереи против существовавшего обычая. Следствием такого намерения митрополита и было повеление Горскому составить исследование относительно безбрачия белого духовенства. Очевидно, святитель

Филарет хотел заранее удостовериться, не встретят ли его планы канонического препятствия.

Горский исследовал предложенный ему вопрос и в итоге пришел к такому заключению: «Канонически не было воспрещено рукополагать во священники и диаконы из безбрачных; но вследствие разных причин само собою, как в Греции, так и у нас на Руси, ввелось в обычай поставлять только вступивших в брак»[33]. Такой ответ удовлетворил митрополита, который благословил Горского писать прошение на священническую хиротонию.

В своем официальном прошении митрополиту Филарету 12 марта 1860 года Горский писал, что желание быть служителем алтаря он имеет уже давно, а не вступает в семейную жизнь в связи с расположением к ученым занятиям. Горский заверял священноначалие, что с помощью Божией он достаточно уже испытал себя и потому просит удостоить его священного сана и причислить к какой-либо церкви, имеющей свободное священническое место, но не требующей настоятеля, с тем, чтобы он мог по-прежнему продолжать свою службу при духовной академии[34]. Владыка отдал распоряжение Консистории предоставить справку о священнических вакансиях и на этой справке 22 марта 1860 года наложил следующую резолюцию:

> 1) На основании 6 правила Шестого Вселенского собора проф. А. Горский дает непреложное обещание и подписку, что по вступлении в священство пребудет безбрачен до конца жизни. 2) Проф. Горский назначается во священника к кафедральному собору. 3) К исповеди и, если не окажется сомнения, к присяге и посвящению[35].

В частном письме Горский писал святителю Филарету:

> С благоговением приближаясь к Престолу благодати, во глубине души сознаю и великость обещаемого дара, и мое недостоинство. Но, вкусив сладость и самой надежды, снова предаю себя благонисхождению

> Вашему и, припадая к стопам Вашим, дерзновенно прошу довершить надо мною дело благости[36].

Здесь видно, как обладавший особой чувствительностью и ранимостью Горский переживал предстоящее рукоположение. Он очень ответственно, с особым вниманием решался на такой важный в жизни шаг, как принятие на себя благодати священства. О том, какое настроение было у Александра Васильевича перед хиротонией, свидетельствует его письмо преосвященному Леониду (Краснопевкову), епископу Дмитровскому. Какой-то радостный трепет и одновременно боязнь и смущение овладели тогда душой ставленника. Горский не просил, а почти умолял владыку Леонида:

> Поддержите духовною помощью первые шаги решающегося приблизиться к Престолу благодати. Достоинство сана велико, а недостоинство, несмотря на долгое приготовление неготовой жизни, безмерно. Оставляя все внешние соображения, я думаю сосредоточить мысли и чувства на себе самом, чтобы глубже почувствовать великость дара благодати и с большим дерзновением уповать повергнуться в бездну щедрот и милосердия Божия[37].

После получения благословения святителя Филарета были улажены все формальности, и 25 марта 1860 года Александр Васильевич Горский в Чудовом монастыре был посвящен в диакона, а 27 марта в Успенском соборе Московского Кремля он был рукоположен во священника[38] и приписан к московскому кафедральному Архангельскому собору[39].

Случай производства в священную степень безбрачного — небывалый в тогдашней церковной практике Русской Православной Церкви. Только у католиков существовало, да и теперь существует обязательное безбрачие священства — целибат. Но в нашей Церкви подобных прецедентов практически не было. По крайней мере, до Горского известен только один такой случай[40], когда в 1845 году в Новоархангельске Преосвященный Иннокентий Вениаминов (впоследствии митрополит Московский) «безбрачно-

го церковника Ермолая посвятил во священство»[41]. Понятно поэтому, как было принято в обществе — как духовном, так и светском — известие о рукоположении Горского.

О впечатлении, которое произвело распоряжение митрополита Филарета в Москве, можно судить по следующему письму одного из духовных лиц к Рязанскому архиепископу Гавриилу (Городкову):

> Ради праздника сообщу Вашему Высокопреосвященству необычайную новость. Изволили Вы знать профессора нашей Академии, г. Александра Васильевича Горского? Он доселе был не женат, а в монашество не хотел вступить, а священником желал быть, лишь бы не жениться. И его желание, наконец, исполнилось. По основании 6 правила 6 го Вселенского собора Владыка, взяв с него подписку не вступать в брак, посвятил его в Благовещение в Чудове монастыре в диаконы, а в неделю Ваий в Соборе Успенском в пресвитера Архангельского собора, с оставлением службы при Академии. И это сделал без сношения с Синодом. Теперь только и толков по Москве, что о г. Горском. Подивитесь вместе с нами случившемуся в нашей древней столице. Горскому же от роду около 50 лет[42].

Действительно, в московском обществе поднялся невероятный шум: говорили об этом все, много, и «за», и «против». По воспоминаниям Д. Н. Толстого, «рукоположение Александра Васильевича было так ново, что породило тогда много толков даже в наших салонах, обыкновенно крайне безразлично относившихся к церковным событиям. По общему у нас неведению канонов встречались даже сомнения в правильности его рукоположения; иные смешивали целибат с монашеством и спрашивали, почему он не носит клобука»[43].

В декабре того же, 1860, года ректор Московской духовной академии архимандрит Сергий (Ляпидевский) был переведен на епископскую кафедру в Курск. Тогда в первый раз зашла речь о назначении протоиерея Горского ректором академии, но митро-

полит Филарет отклонил это предложение. Вот что писал он обер-прокурору Синода А. П. Толстому 7 января 1861 года:

> Ректора Академии еще нет. Видно, есть в сем деле сомнение. Слышу, что некоторые желают, чтобы ректором Академии был прот. Горский. Желаю сего и я; и для сего предлагал ему вступить в монашество, но он остался твердым в своем давно принятом расположении. Если угодно, чтоб он был ректором и у него будет в подчинении архимандрит инспектор, то это будет вступление, хотя еще мало приметное, но уже примерное для будущего, вступление на путь желаемого некоторыми церковного переворота, вопреки древнему постоянному правилу, поставить белое духовенство выше монашествующего. Да не поколеблются опоры дома Божия[44].

Как видно, осторожный святитель Филарет, боясь изменений в церковном сознании, отклонил кандидатуру Горского и остановил свой выбор на ректоре Московской духовной семинарии архимандрите Савве (Тихомирове). Московский иерарх рекомендовал его как человека с характером твердым, который способен взять в академии бразды правления в свои руки[45]. Так архимандрит Савва стал ректором академии, но пробыл на новой должности менее полутора лет: в сентябре 1862 года он был назначен викарием Московского митрополита (впоследствии архиепископа Тверского).

Место ректора снова освободилось. Теперь митрополит Филарет уже прямо стоял за протоиерея Горского. Видимо, Владыку убедил наместник Сергиевой Лавры архимандрит Антоний (Медведев), духовник митрополита. Наместник спрашивал святителя: «Почему вы не хотите назначить Горского?» — «Он белый священник, не монах», — отвечал святитель. — «Какой он белый? Он серый и теперь, может быть, склонится быть черным; а вам покойнее избрать постоянного ректора, чем заботиться вновь о замещении этого важного места»[46]. После этого разговора митрополит окончательно склонился назна-

чить ректором Горского. Еще до назначения архимандрита Саввы епископом святитель Филарет писал обер-прокурору Синода А. П. Ахматову: «Если бы избрание Саввы утвердилось, то ректором академии мог бы назначен быть профессор прот. А. Горский, достойный сего по учености, долговременной службе и нравственному достоинству. Не будучи монахом, он так же, как монах, всего себя посвящает духовной учености и исполнению академических обязанностей, не развлекаясь ничем посторонним»[47].

Когда архимандрит Савва, уже назначенный епископом Можайским, явился к митрополиту Филарету и узнал о своем повышении, Владыка спросил его: «А кого же ты рекомендуешь на свое место?» Отец Савва назвал ректоров Московской и Вифанской семинарий и инспектора академии. «А почему же не рекомендуешь протоиерея Горского?» — «Владыка! Да разве это возможно?» — с изумлением спросил архимандрит Савва. — «Почему же нет?» — «В таком случае это будет самый лучший выбор. Отец протоиерей Горский и достойнейший, и самый прочный для академии будет начальник. Но почему же вы не изволили назначить его вместо меня, после архимандрита Сергия?» «Тогда было не время», — ответил митрополит Филарет[48]. То неудобство, которое возникло, когда ректор протоиерей в служении оказывался выше инспектора архимандрита, было устранено пожалованием отцу Александру митры. Эту мысль внушил митрополиту архимандрит Савва[49].

К слову митрополита прислушивались в Синоде, и Горский 23 октября 1862 года был назначен ректором Московской духовной академии. Извещая об этом протоиерея Александра, святитель Московский писал ему:

> Примите должность ректора с послушанием. Полагаю, что вам надобно будет принять и кафедру богословских наук. Сообразите и прочие последствия происходящей перемены и скажите мне ваши мысли. Надеюсь, что вы поступите по уставу святого послу-

шания и Господь благословит ваше послушание плодами добра и мира[50].

Таким образом, с благословения и при поддержке святителя Филарета протоиерей Горский стал первым в истории русской духовной школы ректором академии из белого духовенства. Назначение ректором протоиерея Горского было воспринято в академии и за ее стенами не без удивления, но с большим сочувствием. На отца Александра все возлагали большие надежды: думали, что он в Академии поднимет авторитет ректорской должности, поддержит кафедру богословия, будет добрым начальником для студентов, станет и на страже православия, дав обществу и Церкви новых его поборников.

После этого важного события в жизни протоиерея Горского произошло еще одно: митрополит Филарет сделал попытку склонить его к принятию монашества. В середине января 1863 года святитель поручил наместнику Лавры архимандриту Антонию (Медведеву) переговорить с Горским о принятии им настоятельства в московском Богоявленском монастыре, со вступлением в монашество, сохранением должности ректора академии и обещанием скорого возведения в сан епископа. От такого предложения Горский пришел в смущение, и вот какие мысли он оставил в специальной записке, написанной по этому поводу:

> Нужно ли изменение звания для настоящего моего служения? Кажется, нет. Или хотят перевести на другое поприще действования? Но разве Академия мало открывает дела усердию? Разве неполезно для Церкви служение воспитателя высшего духовного училища? Разве Церковь не должна иметь в Академии для себя опору, пользуясь добросовестными трудами ученой опытности ее членов? Конечно, я не могу тем похвалиться, чтоб обещать доброго делателя на этом поприще служения. Но, может быть, что нибудь и даст Бог совершить, когда поглубже войду в настоящее мое положение, поближе познакомлюсь с областию моей новой науки. Разве изменят мне силы?

> Чувствую уже, что за такие труды надлежало бы приниматься гораздо ранее моих настоящих лет[51].

На этом испытания отца Александра не закончились. 7 февраля 1862 года протоиерей Горский сослужил митрополиту Филарету за Божественной литургией. Здесь он вновь услышал, что святитель хотел бы видеть его монахом. Желая знать на то волю Божью, отец Александр, помолившись, взял книгу Нового Завета. Ему открылось Евангелие от Марка: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою. И взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня» (Мк. 9:35–37). В этих словах Священного Писания Горский усмотрел о себе определение воли Божьей не желать высшего положения в обществе, но быть последним из всех и слугой всех[52].

Во время ректорства протоиерея Горского в 1864 году был широко отмечен 50-летний юбилей реформированной академии, той самой академии, которой Горский отдал большую часть своей жизни. Обозревая сделанное за этот немалый срок, митрополит Филарет с удовлетворением констатировал значительное влияние академии на духовенство Москвы в отчете по Московской епархии за 1863 год:

> Духовенство столицы, составляемое частью из получивших академическое образование... в значительной степени преимуществует пред прочим духовенством епархии как просвещением, так и нравственным характером... и сопровождается соответственным тому влиянием на прихожан[53].

В другом документе, ходатайствуя о поддержке и награждении академии в связи с ее юбилеем и характеризуя ее достижения, митрополит Филарет говорит о ее высоком достоинстве, а также о преданности профессоров родной академии. Он писал:

> Я поступил бы несправедливо, если бы просил Московской академии менее, нежели в подобном случае даровано Петербургской. Скажу скромно, если скажу, что достоинство Московской академии никак не ниже в ученом и нравственном отношении в православном направлении... Почтенная черта наставничества академии, между прочим, есть та, что они, при скудном содержании, не переходят в другую выгоднейшую службу, даже по приглашению[54].

Через несколько месяцев после юбилея Академии, 3 февраля 1865 года по ходатайству митрополита Филарета «по вниманию к богословско-историческим сочинениям и ученому достоинству их» протоиерей А. В. Горский был возведен в степень доктора богословия[55].

В свою очередь, протоиерей А. В. Горский очень уважал и любил святителя Филарета, благоговел перед ним. «Святитель наш», «милостивый святитель», «Владыка» — только так назвал он маститого иерарха[56].

5 августа 1867 года Русская Церковь торжественно отпраздновала 50-летний юбилей служения святителя Филарета в архиерейском сане. В храмах Троице-Сергиевой Лавры были совершены праздничные богослужения прибывшими на торжество десятью архиереями в сослужении более тридцати архимандритов. Присутствовали также многочисленные представители разных епархий и учебных заведений из лиц белого духовенства. В этот день о юбиляре молились не только в Лавре, но и во всех уголках великой России; молились в православных храмах Европы, Азии и Африки — столь велик был авторитет Московского святителя.

Ректор Московской духовной академии протоиерей А. В. Горский обратился к юбиляру с трогательным словом:

> ...Твоему проницательному взору предоставлено было обозреть первые опыты трудящихся в академии и направить их стремления вернее к целям духовного образования. И с той поры и доныне неусыпным

взором Ты следишь за всеми движениями мысли в области высшего учения и даешь немощному силу, благому преспеяние. Под твоим охранением процветало и цветет здесь любомудрие, послушное вере; под Твоим блюдением в уроках богословия всегда проповедовалась чистая истина Христова — не было колебаний, не было *ей* и *ни*, но всегда было твердое *ей*...Тебе Господь открыл язык образов и сеней мира ветхозаветного, в котором самая история была пророчеством; Тебе доступна и глубина Боговедения апостольского. Но как пастырь стада Христова, Ты хотел прежде всего, чтобы сокровища спасительного учения были открыты для всех. Твоим преимущественно подвигом Слово Божие становится доступным для простых умов и сердец народа русского... Благословен Бог, даровавший нам такого Первосвященника, благословен Бог, ущедривший его благословением долгоденствия в высоком служении Церкви...[57]

После юбилея святитель Филарет прожил всего несколько месяцев. Его телесные силы таяли. Святитель сам предсказал свою кончину. 17 сентября 1867 года он сказал своему духовнику архимандриту Антонию (Медведеву):

Я ныне видел сон, и мне сказано: береги 19 число... Не сон я видел: мне явился родитель мой и сказал мне те слова. Я думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Святых Таин[58].

И вот наступило 19 ноября 1867 года, святитель совершил свою последнюю Литургию и, причастившись Святых Христовых Таин, через несколько часов отошел в вечность.

Осиротела московская паства, а вместе с ней и вся Русская Церковь. Погребение святителя стало воистину торжественным шествием дел его. И едва ли повторится отпевание, подобное тому, которое было совершено в Кремле, в Чудовом монастыре, 25 ноября 1867 года. Во время заупокойной Литургии тело усопшего архипастыря «было внесено из церковной трапезы во внутрь самой церкви. Чудотворец Алексий — в серебряной своей раке, и в кипарисовом гробе новопреставленный подвижник, около

полувека занимавший его кафедру, — какое умилительное сближение!»[59] Вместо причастного стиха ректор Московской духовной академии протоиерей А. В. Горский, сам осиротевший с кончиной любимого отца и Владыки, произнес трогательное слово в похвалу блаженному своему учителю, которого неутомимые подвиги сравнивал с подвигами апостола языков, ибо подобно ему он старался быть всем для всех. Исполненные печали, но не лишенные христианской надежды, слова ученого пастыря были обращены ко всем скорбящим по усопшему святителю: «Светильник Церкви, которого благодатным светом мы желали и надеялись еще пользоваться, сокрылся, слушатели. Сокрылся, но не исчез. Мрак смерти не вовсе лишил нас света...»[60]. В другом месте своего обширного слова протоиерей Горский говорит:

> Двери его дома всегда были открыты для всех имеющих нужду в разрешении душевных недоумений, для уязвленных в своей совести и ищущих умиротворения — и всякого принимал он и врачевал духовно с любовию отеческою... Сам он, в келии Гефсиманской, среди ли столицы, всегда простой и строгий в образе жизни, всегда благоговейный молитвенник был образцом иночества. Но строгий инок не переставал быть горячим сыном общего всем Отечества, и пастырь стада Христова являлся мужем государственным... Во всех радостях и скорбях царского дома принимал глубочайшее участие, с молитвой в сердце, со словом духовным... Так проводя в труде и подвигах день и ночь, неусыпно, неутомимо, всегда имея в виду волю Господню и не личную пользу, но благо Церкви, государства, общества, верим, мог он сказать, скончавая свое земное поприще: *Подвигом добрым подвизахся*... Не можем не плакать о лишении богомудрого руководителя и пастыря, но, забывая скорбь о себе, все слезы и прошения сливаем в одну молитву: присоедини его *к Церкви первородных, на небесех написанных и духом праведник совершенных*[61].

Ненадолго пережил святителя Филарета протоиерей Горский. Безмерное напряжение в служении

науке отразилось на его и без того слабом здоровье. В последние месяцы жизни протоиерей Александр описывал в дневнике свое тяжелое состояние[62], а незадолго до кончины, словно предчувствуя ее, он говорил: «С меня довольно, послужил»[63]. В этих проникновенных словах сокрыто и скромное выражение чувства исполненного долга, и выражение благодарности Создателю.

До последнего вздоха неутомимый труженик науки продолжал свою подвижническую деятельность, проводя занятия у себя на квартире. Представьте себе картину, скорее семейную, чем школьную. За небольшим столиком с одной его стороны на кресле помещался отец ректор, с трех остальных сторон на стульях – студенты. Старец-профессор, надломивший свои могучие силы, удрученный болезнью, с учащенным дыханием и прерывающимся голосом, но с той же задушевностью, продолжал курс своих лекций, когда уже немного оставалось ему до окончания и самой жизни. Студенты с вниманием, еще большим, чем прежде, слушали уроки этого пламенного ревнителя науки, но с замиранием сердца замечали его угасание[64].

Наступило 11 октября 1875 года. Протоиерей Александр Горский, напутствованный Святыми Христовыми Тайнами, мирно отошел ко Господу. Последними словами покойного были: «Я хочу скорее домой»[65].

Погребение тела протоиерея Александра Васильевича Горского совершилось 14 октября 1875 года. Могила была приготовлена на академическом студенческом кладбище близ Смоленской церкви, которое за несколько лет до своей смерти так заботливо устроил почивший ректор. Здесь, под тенью развесистого тополя нередко сиживал покойный отец Александр, размышляя о высоких, непостижимых тайнах жизни загробной. Здесь же, оплаканного многими молитвами и слезами, приняла могила приснопамятного труженика науки. Так проводила в последний путь своего великого сына благодарная академия.

Уже тогда современники отмечали духовную близость почившего ректора со святителем Филаретом. Панегиристы над гробом протоиерея Горского так и говорили: «Дух великого иерарха осенял мысли и действия в Бозе почившего отца нашего и был для него всегдашним, достойным подражания образцом и руководителем»[66].

Эта крепкая, основанная на любви к Богу, Церкви и людям связь между святителем Филаретом и протоиереем Александром Горским, прочно сохраняясь на протяжении земной их жизни, почти мистическим образом перешла и в жизнь вечную. Видимым выражением этой связи служит знаменательный факт: 40-й день по смерти протоиерея Горского приходится на 19 ноября — день преставления святителя Филарета.

Замечательны и отклики на кончину приснопоминаемых подвижников, провозглашенные лучшими представителями своей эпохи.

Вот слова И. С. Аксакова:

> Митрополита Филарета не стало... Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу, — сила, созданная не извне, но рожденная помощью личного духа, возросшая на церковной народной почве. Обрушилась громада славы, которою красовалась Церковь и утешался народ... Угас светильник, полстолетия светивший на всю Россию, не оскудевая, не померкая... Смежилось неусыпающее око мысли[67].

Ученик протоиерея А. В. Горского профессор Н. П. Гиляров-Платонов сказал:

> Необходимо воссоздать всю духовную личность покойного, личность колоссальную, сказали бы мы, если бы нравственной высоте, высоте смирения, исполнения долга до самозабвения, мог приличествовать эпитет «колоссальности». Этот аскет-профессор, этот инок-мирянин, с подвижнической жизнью соединявший общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаниями и трудами, это было необыкновенное явление. Оно едва ли повторится[68].

Более столетия минуло с того времени, как два великих подвижника отошли в горний мир. И, конечно, именно к святителю Филарету и протоиерею Александру Горскому могут быть усвоены слова Откровения Иоаннова: «Блаженни мертви, умирающие о Господе... ей, глаголет Дух, да почиют от трудов своих, дела бо их ходят вслед их» (Откр. 14:13).

Примечания

[1] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 166.

[2] *Мельков А. С.* Митрополит Филарет и Московские Духовные школы. В: Сборник материалов по итогам научно-исследовательской деятельности молодых ученых в областях гуманитарных, естественных и технических наук в 2003 г. М., 2004. С. 23.

[3] Цит. по: *Попов С.* Ректор Московской духовной академии прот. А. В. Горский. Сергиев Посад, 1897. С. 160–161.

[4] Дневник А.В. Горского. С прим. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 50–52.

[5] См.: *Мельков А. С.* Митрополит Филарет и Московские духовные школы.

[6] *Мельков А. С.* Церковный историк протоиерей А. В. Горский: педагог, священнослужитель, ученый. М., 2004. (Машинопись). С. 70.

[7] *Горский А. В.* Кирилл II, митрополит Киевский и всея России. М., 1843. Ч. 1. С. 415–432.

[8] *Горский А. В.* Святой Петр, митрополит Киевский, и его исповедание веры. М., 1844. Ч. 2. С. 89–128.

[9] *Горский А. В.* Святой Алексий, митрополит Киевский и всея России. М., 1848. Ч. 6. С. 89–128.

[10] Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1914. С. 315.

[11] См.: *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 291–294, 298–300.

[12] *Евсеев Е. И.* Древности. Труды Славянской Комиссии Императорского Московского археологического общества. 1902. Т. 3. С. 64.

[13] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Т. 1. С. 254.

[14] Дневник А. В. Горского. С. 43–44.

[15] См.: *Флоровский Г.* Пути русского богословия. С. 164–185, 187–189, 191–193, 202–210, 212–220, 222–225, 228–230, 333–335.

[16] ОР РГБ, ф. 231/I, к. 44, ед. хр. 45, л. 7 об.

[17] ОР РГБ, ф. 231/I, к. 44, ед. хр. 47, л.18–18 об.

[18] *Соловьев С. М.* Мои записки для моих детей, а если можно, то и для других. В: Вестник Европы. СПб., 1907. № 3. С. 76.

[19] *Лебедев А. П.* «Великий и в малом...»: Исследования по истории Русской Церкви и развития церковно-исторической науки. СПб, 2005. С. 159.

[20] *Мельков А.* Ректор Московской Духовной Академии А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки. В: Журнал Московской Патриархии. 2002. № 12. С. 47.

[21] Переписка профессора Московской Духовной Академии П. С. Казанского с А. Н. Бахмеевой. В: У Троицы в Академии, 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 554.

[22] *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к покойному архиепископу Тверскому Алексию. 1843–1867. М., 1883. С. 45–46.

[23] *Горский А. В.* Дневник. Под ред. С. К. Смирнова. В: Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1884. Т. 34. С. 315, 319, 330.

[24] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1. Священное Писание. М., 1855.

[25] Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. В: Богословский вестник. 1900. № 11. С. 485.

[26] Там же. С. 486.

[27] Черновой вариант см.: ОР РГБ, ф. 78. к. 9, ед. хр. 2; Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора). В: Богословский вестник. 1900. № 11. С. 496–515.

[28] Там же. С. 511.

[29] Цит. по: Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. С. 490.

[30] Цит. по: там же. С. 492.

[31] *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии

протоиерей А. В. Горский. В: Богословский вестник. № 5. 1896. С. 261.

[32] *Мельков А.* Ректор Московской Духовной Академии А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно исторической науки. С. 48.

[33] Цит. по: *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А. В. Горский. С. 261.

[34] Черновой экземпляр прошения см.: ОР РГБ, ф. 78, к. 1, ед. хр. 2, л. 1.

[35] К биографии Ректора Московской Духовной Академии, А.В. Горского. В: Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. № 3. С. 156–157.

[36] ОР РГБ, ф. 78, к. 20, ед. хр. 47, л. 1–1 об.

[37] ОР РГБ, ф. 78, к. 22, ед. хр. 1, л. 3. А. Горский — епископу Леониду (Краснопевкому) от 9 марта 1860 г.

[38] К биографии Ректора Московской Духовной Академии, А. В. Горского. С. 157.

[39] Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском. В: Богословский вестник. 1900. № 11. С. 556.; Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А.В. Горского. В: Православное обозрение. 1875. № 12. С. 4.

[40] Иркутские Епархиальные Ведомости. 1879. № 30.

[41] *Барсуков И.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С. 221–220.

[42] К биографии Ректора Московской Духовной Академии, А. В. Горского. С. 158.

[43] *Толстой Д. Н.* Александр Васильевич Горский. В: Русский архив. 1875. Т. 3. С. 474.

[44] *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1887. Т. 5. Кн. 1. С. 3–4.

[45] Там же. М., 1886. Т. 4. С. 574.

[46] *Смирнов С.* Александр Васильевич Горский. В: Богословский вестник. 1900. №11. С. 431.

[47] *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Кн. 1. С. 323–324.

[48] *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни. Сергиев Посад, 1899. Т. 2. С. 795–796.

[49] Там же. 1901. Т. 3. С. 33; *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Кн. 1. С. 354–355.

[50] Письма митрополита Московского Филарета к А. В. Горскому. В: Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1882. Ч. 29. С. 551.

[51] Цит. по: *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А. В. Горский. В: Богословский вестник. 1896. № 7. С. 53.

[52] *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии прот. А. В. Горский. С. 98.

[53] *Сушков Н. В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митр. Московского. М., 1868. С. 139.

[54] *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Кн. 2. С. 624.

[55] *Савва (Тихомиров), архиеп.* Указ. соч. 1901. Т. 3. С. 203, 210 211, 219–221, 230 231.

[56] *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А. В. Горский. В: Богословский вестник. 1896. № 12. С. 391.

[57] *Горский А. В., прот.* Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетнего епископского служения митрополита Филарета. В: Православное обозрение. 1867. № 9. С. 12–13.

[58] Из воспоминаний архимандрита Антония (Медведева). В: Святитель Филарет (Дроздов): Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 899.

[59] Из воспоминаний А. Н. Муравьева. В: там же. С. 907.

[60] *Горский А. В., прот.* Слово перед отпеванием митрополита Филарета. В: Православное обозрение. 1867. № 11. С. 8.

[61] Там же. С. 15, 16–17.

[62] Отрывки из дневника А. В. Горского. В: У Троицы в Академии, 1814–1914 гг. М., 1914. С. 486–492.

[63] Цит. по: *Смирнов С.* Александр Васильевич Горский. В: Богословский вестник. 1900. №11. С. 440.

[64] *Троицкий Н.* Воспоминание о протоиерее А. В. Горском † 1875 г. окт. 11-го дня. В: Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Т. 3. С. 444–445.

[65] Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского. В: Православное обозрение. 1875. № 12. С. 6

[66] Цит. по: Попов С. Ректор Московской Духовной

Академии протоиерей А.В. Горский. В: Богословский вестник. 1896. № 12. С. 405.

[67] Отклик И.С. Аксакова на кончину святителя Филарета. В: Святитель Филарет (Дроздов): Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 900.

[68] *Гиляров-Платонов Н. П.* Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 2. С. 464.